

Доржу Клара Бурбулдеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета, Кызыл, E-mail: dorzhuvika22@mail.ru

Dorzhu Klara – PhD, associate professor of Department of Tuvan philology and General Linguistics of Tuvan state university, Kyzyl, E-mail: dorzhuvika22@mail.ru

УДК 82-1/-9

ЖАНР СКАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА БАЖОВА

Irgit A.D.

Тувинский государственный университет, Кызыл

TALES GENRE IN RUSSIAN LITERATURE AND CREATIVITY PAUL BAZHOVA

Irgit A.D.

Tuvan State University, Kyzyl

В статье освещается вопрос жанра сказа в русской литературе и в творчестве Павла Петровича Бажова. Рассматриваются сложности определения авторства сказов уральского писателя, их фольклорности и жанрового своеобразия.

Ключевые слова: русская литература, жанр, сказ, фольклор, сказитель.

The article highlights the issue tale genre in Russian literature and the works of Paul Bazhov. We consider the complexity of authorship Urals tales writer, and their folkloric genre identity.

Key words: Russian literature, a genre tale, folklore, narrator.

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был добрый волшебник. У него была пушистая белая борода и живые, необыкновенно лучистые веселые глаза. И когда он ходил по городу, его сразу узнавали – это наш Бажов! Слово «наш» часто добавлялось к имени писателя.

Люди его так любили, что произносили с гордостью:

– Наш Бажов!

Ну, а почему волшебник? Он что, действительно занимался колдовством, как старик Хоттабыч? Нет, конечно. Это было волшебство писателя, который смог написать книгу «Малахитовая шкатулка».

Иногда достаточно прочесть одну фразу, чтобы облик автора или рассказчика, сотворившего фразу, увиделся как нарисованный. Елена Хоринская в своей книге «Наш Бажов» [1, с. 63] именно так характеризует великого уральского писателя Павла Петровича Бажова, в творчестве которого главным произведением является его книга сказов. За сказы он получил всенародное признание и любовь, они переведены на языки разных стран мира. Его яркое самобытное творчество по праву вошло в сокровищницу русской литературы.

Фольклор принято считать искусством коллективным, безавторским. Против такого определения действительно не возразишь: мы не можем назвать имени того древнего русича, который первым рассказал сказки «Аленький цветочек» и «Иван-царевич и серый волк»; мы не знаем, в чьем творческом воображении родились былины о бое Ильи Муромца со своим сыном или же «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича на

его жене». И напечатанные сказы Бажова вызвали разногласия среди фольклористов и литературоведов: считать их фольклором или литературой?

Недоумения были вызваны самим писателем, когда первые три сказа он напечатал в сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале» 1936 года [2, с. 102], объявив таким образом эти произведения подлинным рабочим фольклором. В отдельном же издании, в книге «Малахитовая шкатулка», он рассказал, что слышал рабочие сказы 50 лет тому назад, то есть еще в конце XIX века, а теперь восстановил их по памяти. Здесь же он нарисовал портрет рассказчика (по его определению, «сказителя») Василия Алексеевича Хмелинина, прозванного «дедом Слышко» за его постоянную поговорку [3]. Это был потомственный уральский рабочий, прекрасно знакомый с горнозаводским и рудным делом. Он слышал много рассказов об условиях труда и быта уральских рабочих, о социальном их беспорядке, о нищете и заботах, о мечтах и о счастье, выраженных в сказах. Но писатель и сам с детства хорошо знал жизнь рабочих горнорудного и горнозаводского Урала, потому что родился и вырос в рабочей семье, где все были заняты тяжелым трудом на заводе.

Фольклористы отказались признать тексты Бажова за подлинное народное творчество, так как ничего подобного еще никто в рабочей среде не обнаружил и не записал [4, с. 88]. Политическая ситуация в стране была такова, что успехи социалистического строительства ставили новые задачи перед деятелями искусства и литературы. Особенно большое значение приобрела борьба за народность искусства. Различные стороны проблемы народности искусства выяснялись в острой борьбе мнений, характеризовавшей дискуссии 30-х годов о литературном языке, о формализме, вульгарном социологизме, о методе и мировоззрении.

Большой интерес не только у специалистов, но и у широкой общественности вызвали записи советского времени. В 20-е годы в сказовой манере писали такие выдающиеся писатели, как Леонид Леонов, Константин Федин. Можно упомянуть Александра Фадеева, который отдал ей известную дань. Она нашла отражение и в стихотворных жанрах – не только у Демьяна Бедного, но и у Владимира Маяковского («Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Рассказ рабочего Павла Катушкина о приобретении одного чемодана»).

После Октябрьской революции рабочий класс создавал свою пролетарскую литературу, а не фольклор. Сохранились только сказы о прошлом. О них коротко сообщали и писатели прошлого: Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.И. Немирович-Данченко и другие. Теперь собиратели старались записать как можно больше, усматривая в каждом рассказчике готового художника. Но некоторые исследователи потребовали пересмотреть критерии художественности, применяемые к таким рассказам. Утверждалась неразборчивость и в отношении к этим произведениям как фольклорным, поскольку и при записях, и при изучении к ним относились как к подлинному фольклору. Ошибочность этих взглядов очевидна.

Когда на фоне рабочих сказов, публиковавшихся в фольклорных сборниках, появились произведения Бажова с тем же жанровым обозначением, они не могли не поразить. Материалы, представленные писателем, были необыкновенно яркие, оригинальные, художественная ценность их была очевидна, а имевшиеся записи рабочего фольклора крайне малочисленны. Понятно общее желание - и редакции журнала "Красная новь", и редактора Свердлгиза, и составителя сборника "Дореволюционный фольклор на Урале" – напечатать сказы как произведения устно-поэтического творчества уральских рабочих, тем более, что автор дал повод для такого понимания сказов, а их фольклорная основа была несомненна.

В фольклористике жанровое обозначение «сказ» появилось только в советское время (в сказах, где говорилось о Ленине, о Чапаеве, о гражданской войне и о др.). Фольклорный

термин «сказ» отличается от лингвистического и литературоведческого обозначения понятия. В лингвистике сказ определяется особым языком, отличающимся от литературной нормы [5, с. 228]. В литературе сказ характеризуется обязательным присутствием повествователя, рассказывающего с особой, присущей ему разговорной речью [6]. В некоторых определениях сказа подчеркивается, что повествование в нем ориентировано «на читателя-собеседника, к которому рассказчик как бы непосредственно обращается со своим, пронизанным живой интонацией словом» [7, с. 295-365]. В одной из последних работ о сказе наблюдается попытка внести уточнение в приведенные определения указанием, что литературный сказ отличается не только стиливыми признаками разговорной речи, но прежде всего речи народной.

Фольклорный сказ имеет и свои признаки, отличные от сказа литературного. По определению К.В. Чистова, фольклорный сказ – форма, «стоящая на грани бытовой речевой практики и художественного творчества и колеблющаяся... от элементарного высказывания (весть, реплика, толк, слух и т.д.) до более или менее оформленного рассказа... он может не обладать законченностью» [8].

За чрезвычайным разнообразием структурно-стилевых признаков в характеристике исследователя как-то потерялась неповторимая цельность и писательское своеобразие произведений Бажова. Проникновение в творческую лабораторию писателя дает возможность понять, как создавалось то, что он называл "восстановлением по памяти". Сопоставление черновых рукописей сказов с окончательными текстами убеждает, что Бажов выполнял обычный писательский труд. Вдумчивая разработка характеров, тщательная выверка их с точки зрения социально-психологической достоверности, умная, яркая психологическая и портретная индивидуализация, поиски наиболее убедительных и впечатляющих композиционных решений, кропотливая работа над языком - так создавались сказы. Они не были записями фольклорных текстов [3].

Позднейшие высказывания Бажова помогают лучше определить соотношение его сказов с фольклорными материалами. О сказе "Серебряное копытце", законченном 3 августа 1938 года, писатель говорил так: "Рассказы о том, что есть такой козел с серебряным копытцем, я слышал в Полдневой. Слышал от Булатова, охотника. В Полдневой поисками хризолитов занимались многие. А сюжет мой". На вопрос: "А сюжета в таком виде, как в вашем сказе, вы не встречали?" (речь идет о сказе 1939 года "Огневушка-Поскакушка"), - Бажов отвечал: "Пожалуй, нет. Подобные сказы я, может быть, и слышал, но не могу сказать, когда и где» [3]. Приведем еще одно обобщающее высказывание писателя по рассматриваемому вопросу. Когда Бажова спросили, считает ли он верным утверждение, что первые его сказы были ближе к фольклорным источникам и передавали слышанные им сюжеты, а в дальнейшем творческом развитии он становился все самостоятельнее, меньше зависел от фольклорных сюжетов, хотя по-прежнему основывался на фольклорных источниках-мотивах, образах, суждениях, писатель отвечал: "Я согласен, что это таким образом и было. Это очень правильно" [3].

Так, осмысление собственного творческого опыта привело Бажова к выводу, что его сказы не фольклорные документы. Писательское, бажовское обнаруживается постоянно: в его сказах ясно выражено мировоззрение советского человека, мировоззрение, какого не могло быть у полевого мастера 90-х годов XIX века Василия Хмелинина.

В сознании писателя постепенно оформлялся замысел книги, который не мог не возникнуть в процессе работы Бажова над последующими сказами. Когда появилась возможность издания книги сказов, осмысление ее замысла автором - прежде всего для себя - стало неизбежным и неотложным. Это отразилось уже в размышлениях о том, как назвать книгу и даже как назвать автора. Работники издательства предложили выпустить сборник

под псевдонимом Е. Колдункова и с названием "Сказы дедушки Слышко". Однако, посоветовавшись с редактором А. Облонским, автор предложил назвать книгу по сказу, который являлся одним из программных - "Малахитовая шкатулка". Впоследствии писатель, чуть посмеиваясь, говорил: "Название оказалось удачным; пиши да пиши сказы и укладывая в одну шкатулку. Только одно неудобство есть: сколько ни пишешь, остаешься автором одной книги» [3].

Говоря о формировании книги Бажова, необходимо учесть следующее. В начале XX века, используя замечательный почин составителя сборника былин А. Ф. Гильфердинга, Н. Е. Ончуков, первый из собирателей сказок, расположил записанный им материал не по сюжетам, как делалось ранее, а по сказителям, которых он слушал. Знаменитый сборник Ончукова "Северные сказки" (1909) сопровождался сведениями о сказителях, что имело принципиальное значение: исполнитель сказов признавался творцом. Такая форма записи произведений фольклора стала у нас традиционной, так как она наиболее обоснованна в научном отношении. Естественно, считая на первых порах свои сказы фольклорными, Бажов использовал такой же принцип их публикации. Ближайшим образцом для него мог быть сборник Д. К. Зеленина "Великорусские сказки Пермской губернии" (1914). Избрание этого принципа публикации - "по сказителю" - было уже одним из элементов осуществления бажовского замысла. Сказы "Малахитовой шкатулки" (1939) объединены одним рассказчиком - В. А. Хмелининым, точнее - дедом Слышко; сборнику предпослана статья "У караулки на Думной горе", в которой уже содержатся необходимые сведения о рассказчике, книга завершается сказом "Тяжелая витушка", где повествователь говорит о себе, становится главным действующим лицом. Так сборник получил "рамку" [3].

Другим, важнейшим элементом выявления замысла стало содержание сказов: жизнь, труд уральских рабочих задолго до революции - и выражение авторского отношения к этому жизненному материалу. Ведь со временем Бажов неизбежно должен был понять и признать, что он не столько воспроизводит фольклорные произведения, сколько создает свои. К осознанию этого - пусть сначала смутному - он начал подходить, видимо, вскоре после написания первых сказов, вошедших в свердловский сборник "Малахитовая шкатулка", во всяком случае, до выхода его в свет. В частности, показательно, что слова "слышь-ко" и "протча" (т. е. прочее), заявленные Бажовым в качестве речевых примет, речевых "вымпелов" рассказчика, исчезали из некоторых сказов уже в первом издании книги. Бажов, видимо, шел к тому, чтобы со временем отказаться от "услуг" Слышко.

Так, в сказе "Золотой Волос", опубликованном в первом бажовском сборнике, все-таки дважды употреблено слово "слышь-ко"; хоть и один раз, но употреблено присловье "протча", довольно ясно выявляются и другие речевые особенности повествователя. Однако содержание сказа фактически не соответствует тематической "заявке" Бажова: "сказы Хмелинина" были как бы заранее прикреплены к Сысертским заводам. В аннотации, предпосланной книге, читаем: "Малахитовая шкатулка" - сборник старых уральских сказов из жизни и быта горнорабочих". Но в "Золотом Волосе" нет горнорабочих, нет их жизни, быта. Да и вообще быт здесь почти не отражен, хотя это, пожалуй, единственный бажовский сказ, целиком посвященный теме любви и верности. Возможно, писатель недостаточно хорошо знал национальный быт башкир. Сказ создан, по всей видимости, на материале башкирского фольклора, т. е. он явно выходит, по жизненному материалу, за пределы Сысертского горного округа. Содержание - в широком смысле слова - вступает здесь в противоречие с авторским представлением о рассказчике Слышко. Но в последнем рукописном варианте произведения имеется подзаголовок: "Из старых уральских сказов Хмелинина". А вот еще факт, который можно назвать неожиданным. О сказе "Синюшкин колодец", законченном в конце 1938 года, т. е. еще до выхода в свет "Малахитовой шкатулки", но не вошедшем в нее, П. П. Бажов говорил К. Рождественской: "Это другой

стиль. Ни одного "слышь-ко" не употребил. Хмелининские сказы - те густо обросли бытом, поминутно отходы в сторону. Здесь этого нет". Однако в печати и этот сказ шел как хмелининский. А неожиданным приведенное высказывание Бажова является потому, что в сказе "Кошачьи уши", написанном в марте 1938 года, уже нет ни одного "слышь-ко", ни одного "протча", хотя он включен в первое издание "Малахитовой шкатулки", рекомендованное в предисловии как полностью хмелининское. Да и по существу ясно, что рассказчик здесь полвчанин, старик, хорошо знающий и Полевской завод и Сысерть. И речевая манера в сказе - в общем-то, манера деда Слышко.

В связи с вопросом о замысле "Малахитовой шкатулки" заметим, что авторское понимание ее как фольклорного произведения, а затем постепенный отход от такого понимания оформлялись в сознании Бажова в психологических противоречиях.

В 1932 году, за четыре года до создания первых сказов, Бажов выступил в печати как принципиальный противник повествования от имени вымышленного рассказчика. В рецензии на рукопись, оформленную как записки некоего Клюева, Бажов писал: "Форма чужих дневников, записок, блокнотов и всяких вообще чужих документов достаточно опорочена... Если еще можно все-таки спорить о допустимости этого приема в пролетарской литературе, так лишь при условии, когда центром показа ставятся переживания и мироощущение самого автора, показ его отношения к окружающему, его характеристика" [3].

А во второй половине 30-х годов П. Бажов пересмотрел, уточнил свое отношение к этому способу отражения действительности в литературе. К признанию правомерности его он пришел трудным путем, через понимание своих сказов как воспроизведения фольклорных произведений по памяти.

В критической литературе, несмотря на колебания многих авторов, нередко отражалось ложное представление о Бажове как "записывателе" фольклора. Даже в 1941 году Е. Блинова нашла возможным включить пять сказов Бажова в фольклорный сборник "Тайные сказы рабочих Урала". А в это время было известно уже весьма категорическое высказывание Павла Петровича в очерке "У старого рудника" (1940) о том, что "восстановленные" почти через полвека сказы Хмелинина, конечно, потеряли ценность фольклорного документа [3].

Л.И. Скорино в своих выступлениях, особенно в книге "Павел Петрович Бажов", настойчиво и доказательно отстаивала мнение, высказанное ранее К. Боголюбовым, А. Барминым, И. Халтуриным, что сказы Бажова являются продуктом его индивидуального творчества, основанного на фольклоре. Скорино, кажется, удалось убедить даже наиболее упорного ее "противника" - самого Бажова, который в определении характера своих сказов стоял на такой позиции: не совсем фольклор, но и не совсем индивидуальное творчество [3].

Таким образом, приходим к выводу, что все-таки сказы Павла Петровича Бажова являются его индивидуальным творчеством, а не собранием фольклора горнорабочих Урала. Писатель прошел сложный, мучительный путь определения своего творчества через собственные сомнения, сомнения фольклористов и литературоведов.

Библиографический список

1. Хоринская Е.Е. Наш Бажов: повесть. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. С.112.
2. Чернышевский Н.Г. Литературная критика. М., 1981. Т. 1. С. 102.
3. Батин М. А. Жизнь и творчество. Изд. 2-е, перераб. М., Гослитиздат, 1963.
4. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Л., 1976, С. 88.
5. Базанов В.Г. Заметки фольклориста // Рус. лит. 1966, №2, с. 228.
6. Новиков Н.В. Русская сказка в ранних записях и публикациях. Л., 1971.

7. Томашевский Б.В. Пушкин. М., Л., 1956. Кн. 1. С. 295-365.
8. Саймонов А.Д. Песни, собранные писателями. М., 1968.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: «А. ТЕМП», 2004. 944 стр.

Bibliograficheskiy spisok

1. Horinskaja E.E. Nash Bazhov: povest'. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1982. S.112.
2. Chernyshevskij N.G. Literaturnaja kritika. M., 1981. T. 1. S. 102.
3. Batin M. A. Zhizn' i tvorchestvo. Izd. 2-e, pererab. M., Goslitishdat, 1963.
4. Propp V.Ja. Fol'klor i dejstvitel'nost'. L., 1976, S. 88.
5. Bazanov V.G. Zametki fol'klorista // Rus. lit. 1966, №2, s. 228.
6. Novikov N.V. Russkaja skazka v rannih zapisjah i publikacijah. L., 1971.
7. Tomashevskij B.V. Pushkin. M., L., 1956. Кн. 1. С. 295-365.
8. Sajmonov A.D. Pesni, sobrannye pisateljami. M., 1968.
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / РАН. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: «А. ТЕМП», 2004. 944 str.

Иргит Айысмаа Даниловна – аспирант кафедры литературы Тувинского государственного университета, г.Кызыл, E-mail: aiys.irgit@mail.ru.

Irgit Aidysmaa D. – postgraduate of Literature Department of Tuvan state university, Kyzyl, E-mail:aiys.irgit@mail.ru.

УДК 81'367.622.11

**СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКОГО
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО COLOUR**

(на примере произведений англоязычных писателей и данных
лексикографических источников)

Тугужекова Т.Н.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова, Абакан

**STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF ENGLISH
NOUN 'COLOUR'**

(based on examples from the works English writers and lexicographical sources)

Tuguzhekova T.N.

Khakas State University

Статья рассматривает изучение существительного «цвет» и его функцию в английском языке. Цель статьи рассмотреть его структурную и семантическую особенности.

Ключевые слова: английский язык, существительное, словообразование, структура, семантика, специфика.

The article focuses on the research of the noun *colour* and its function in English. The aim is to reveal its structural and semantic peculiarities.

Key word: English, noun, word-building, structure, semantics, peculiarity.

Существительное *colour* входит в ядро функционально-семантического поля «цвет» в качестве его главного члена, поскольку является основным словом, обозначающим это